

Евгений Голубовский, Евгений Деменок

Хлебников, Бондарин и «Зангези»

Загадка одной рукописи

* * *

Этот большой лист бумаги, написанный на нескольких плоскостях, так, чтобы удобнее было его сложить, мы показывали в разное время людям, знающим и почерк Велимира Хлебникова, и его творчество. Показывали и внучатой племяннице Велимира, художнице Вере Митурич-Хлебниковой. Интересно? Конечно. Так это Хлебников? Не было внятного ответа.

В Одессе Хлебников бывал дважды. Сегодня на улице Белинского установлена мемориальная доска в память пребывания поэта в городе.

В Одессе Хлебникова знали и любили. Его стихи читал друзьям Эдуард Багрицкий. Это он заразил их вечной любовью к Хлебникову. И не случайно, когда в двадцатые годы Алексей Крученых организовал «группу друзей Хлебникова», издавшую 24 выпуска «Неизданного Хлебникова» на стеклографе тиражом от 50 до 100 экземпляров, то переписывали на стеклограф, входили в группу не только Борис Пастернак, Артем Веселый, но и одесситы Юрий Олеша, Семен Кирсанов, Сергей Бондарин...

Кстати, и Николай Харджиев еще в Одессе был посвящен Багрицким в орден рыцарей Хлебникова.

Сохранилось одно из последних писем Эдуарда Багрицкого, написанное им за четыре месяца до смерти:

В издательство «Советская литература»

Москва, 20 октября 1933 года.

Пять томов Хлебникова, выпущенных Издательством писателей в Ленинграде, далеко не исчерпывают имеющийся материал. Мне были

показаны недавно найденные тексты хлебниковских поэм, прозы, стихов, которые представляют большую художественную ценность.

Я считаю необходимым издать эту книгу, так как этот материал покажет читателю Хлебникова от «долитературного» периода до замечательных его произведений.

Я горячо поддерживаю издание этой книги.

Эдуард Багрицкий

Копия этого письма хранилась у Сергея Александровича Бондарина, одного из писателей «Юго-Запада», переехавших из Одессы в Москву. О себе он говорил: «Я писатель второго ряда». Может, и так, но человек он был первого ряда. С ним дружили и Бабель, и Ильф, и Гехт.

С юношеских лет, может быть, потому что был он по образованию юристом, Сергей Александрович тщательно собирал, хранил свой архив. И не только свои стихи, рассказы, но и письма друзей, фотографии, документы. Книжки с автографами. В тридцатых, когда начали сажать знакомых, друзей, когда бумаги жгли, ни одного листика Бондарин не уничтожил, не вынес из дома. Все понимал, переживал, ни в каких клеймлениях не участвовал.

В годы Великой Отечественной служил на флоте. Корреспондентом принимал участие в Керченской операции. Боевые ордена. И тем не менее его в 1944 году арестовали за «антисоветские разговоры», и на восемь лет отправили в лагеря. И вот тут чудо – его жена, когда-то одесская, потом московская художница Генриетта Савельевна Адлер сохранила архив, от одесских продуктовых карточек двадцатых годов до лагерных писем со стихами, все рукописи, и огромную поэтическую библиотеку.

Многие документы, рукописи, памятные предметы, связанные с одесской литературной школой, Сергей Александрович подарил Одесскому литературному музею, радуясь его рождению. Кое-что дарил одесским друзьям, книжникам – Сергею Калмыкову, Сергею Лушику, Евгению Голубовскому.

После смерти Сергея Александровича Бондарина в 1978 году библиотека, архив стали заботой его жены Генриетты Савельевны. Детей у них не было. На девятнадцать лет она пережила своего мужа, жила памятью о нем, раздаривая друзьям книги. Все, что необходимо было музею, поступило как дар в музей.

Нередко в книгах Сергей Бондарин хранил письма, рукописи, связанные с автором томика стихов или прозы. Так, в довоенном сборнике

сказок замечательного фантазера Семена Писахова лежал конверт с рукописями двух его неопубликованных сказок. В сборнике стихов Арсения Тарковского – его письма. Многие книги поэтов-футуристов, в том числе дореволюционный Маяковский, – подарки Алексея Елисеевича Крученых, кстати, учившегося в Одесском художественном училище и дружившего со всем «Одеколоном» (одесской колонией, как шутил Кирсанов), содержали вырезки из газет, поздравительные открытки Алексея Крученых.

В одной из книг Велимира Хлебникова и лежал тщательно обернутый в папиросную бумагу этот неформатный лист. Подписи Хлебникова нет. Сверху написано – «Зангези». Плоскость XX – затем XXI и 22. На страничках рисунки...

«Зангези». Последняя крупная вещь Велимира Хлебникова. Сверхповесть, по его определению. Писалась с 1920 по начало 1922 года. Хлебников успел держать корректуру, но вышедшую из печати книгу уже не увидел. Не успел.

Есть много объяснений происхождения имени героя, есть толкования того, почему сверхповесть выполнена в 21 плоскости, предположения, что XX плоскость, которая в изданном тексте отдана вставной поэме «Горе и Смех», должна была быть заменена на поэму «Ночь в окопе».

А может быть, был и еще один вариант XX плоскости, тот, что написан на этом листе?

Находка, по сути, поставила задачу, а не решила ее.

Трудно сейчас сказать, какие именно неизданные рукописи Хлебникова видел Багрицкий в 1933 году, все ли тогда, верней, в 1940, опубликовал Николай Харджиев.

Пусть изучением текста, почерка, рисунков, всем этим кругом проблем займутся хлебниковеды.

Евгений Голубовский

* * *

Я держу в руках этот странный лист и испытываю чувство, которое трудно описать. Пожалуй, это смесь удивления, неверия и восторга. А что если это и вправду неизвестная – точнее, забытая рукопись Велимира Хлебникова? Если это и вправду один из вариантов окончания сверхповести «Зангези», которую исследователи творчества «наиболь-

шего мирового поэта двадцатого века» (по мнению Романа Якобсона) называют вершиной, квинтэссенцией его творчества, итоговым произведением, – ведь опубликована она была почти сразу после его смерти?

На первый взгляд, все говорит именно об этом. Вверху сложенного четверо листа написано «Зангези», внизу указан год – 1922-й. Я снова и снова разворачиваю его, вчитываюсь в буквы, разглядываю зачеркнутые строки, пытаюсь понять, похожи ли рисунки на нем на немногочисленные дошедшие до нас рисунки Виктора – Велимира. Кажется, почерк Хлебникова был другим – с меньшим наклоном, более «детским»... Но это ведь 1922-й – последний год жизни Хлебникова, а почерк имеет обыкновение меняться... Да и Вера Митурич-Хлебникова, державшая в руках рукопись, сказала, что она вполне могла быть написана ее двоюродным дедушкой.

В пользу этой версии говорит и обильное использование редких, устаревших, фольклорных слов, так любимых Хлебниковым. Присутствуют и часто используемые им слова: Лель (один из героев поэмы «Маркиза Дезэс» 1919-1911 годов, встречается в повести «Девий бог» того же периода, да и в седьмой плоскости «Зангези»), искони (стихотворение «Скифское» 1908 года), ворожея (в стихотворениях «Журавль» 1909 года и «Земные стары сны» 1917 года). Или, например, редчайшее и забытое слово «райна» – оно встречается в его стихотворении «В холопий город парус тянет» 1915 года.

Кроме того, в рукописи присутствуют яти, есть много правок, ряд строк зачеркнут, то есть если бы кто-то переписывал строки из хлебниковского подлинника (допустим, Сергей Бондарин или Эдуард Багрицкий), этих правок и зачеркиваний не должно было быть.

С другой стороны, в рукописи нет неологизмов (разве что если отнести к ним неразборчиво написанные слова), и все строки рифмованы, иногда довольно неуклюже. И вообще, стилистика стихотворений из всех трех плоскостей – а на листе уместились и 20-я, и 21-я, и 22-я, по крайней мере часть ее, – существенно отличается от стилистики остальных, опубликованных, «канонических» плоскостей «Зангези».

Но ведь таковой и была задумка сверхповести – собрать воедино тексты, написанные в совершенно разных стилях. Поэзию и прозу. Сам Хлебников писал во введении к ней:

«Повесть строится из слов как строительной единицы здания. Единицей служит малый камень равновеликих слов. Сверхповесть, или

заповесть, складывается из самостоятельных отрывков, каждый с своим особым богом, особой верой и особым уставом. На московский вопрос: «Како веруеши?» – каждый отвечает независимо от соседа. Им предоставлена свобода вероисповеданий. Строевая единица, камень сверхповести, – повесть первого порядка. Она похожа на изваяние из разноцветных глыб разной породы, тело – белого камня, плащ и одежда – голубого, глаза – черного. Она вытесана из разноцветных глыб слова разного строения. Таким образом находится новый вид работы в области речевого дела. Рассказ есть зодчество из слов. Зодчество из «рассказов» есть сверхповесть. Глыбой художнику служит не слово, а рассказ первого порядка».*

Лев Оборин в замечательном очерке о «Зангези» пишет, что это «концентрированная сумма его идей, наитий и приемов: фигуры поэта-пророка как главного актера мироздания; мистического предвидения, основанного на математическом священнодействии; словотворчества как нового описания мира». ** Публикаторы собрания сочинений Хлебникова 1931 года – Юрий Тынянов и Николай Степанов – писали о «Зангези» как о сборнике: «Здесь собраны самые разнообразные вещи, написанные, по-видимому, за время с 1920 по 1922 год». *** Сам Хлебников еще в 1909 году писал Василию Каменскому о том, что намерен создать сложное произведение, в котором «каждая глава должна не походить на другую. При этом с щедростью нищего хочу бросить на палитру все свои краски и открытия, а они каждое властны только над одной главой: дифференциальное драматическое творчество, драматическое творчество с введением метода вещи в себе, право пользования вновь созданными словами, писание словами одного корня, пользования эпитетами, мировыми явлениями, живописания звуком». ****

Литературовед Дубравка Ораич-Толич в фундаментальной статье «Сверхповесть» пишет: «В качестве конститутивного принципа монтаж обеспечивает возникновение СП с помощью спаивания уже готовых, иногда опубликованных текстов или модификации и прямого цитирования отдельных частей других самостоятельных целых. В *Зангези* шесть вводных стихов из монтажной единицы «Звукопись» представляет со-

* <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-05/hlebnikov-ss06-05.html#s004003>

** <https://polka.academy/articles/527>

*** Там же.

**** https://ka2.ru/nauka/dot_1.html

бой модифицированную автоцитату «Звукописи весны» из *Царапины по небу*, трансрациональный язык богов взят из драмы *Боги*, а строки Если кто сетку из чисел / Набросил на мир, / Разве он ум наш возвысил? – из поэмы *Сердца прозрачней, чем сосуд*».^{****}

Так что стилевое разнообразие стихотворений в рукописи вполне объяснимо.

Объяснимо и то, что эти плоскости не вошли в главный, канонический текст сверхповести. В той же статье Ораич-Толич отмечает, что «автор планировал вместо поэмы *Горе и Смех* ввести поэму *Ночной обыск* или же то, что, судя по одному из сохранившихся набросков, цитируемых редакцией *Собранных произведений*, существовала возможность ввести в СП самостоятельную поэму *Разин*. На монтажную процессуальность уже законченных и опубликованных *Детей Выдры* указывает предложение Хлебникова, относящееся к 1917 году, дополнительно включить в данную конструкцию сочинение *Девий бог*, рассказ «Ка», галицийскую вещь из *Изборника* и отрывок в прозе «Выход из кургана умершего сына» из книги *Ряв*».^{*****}

В примечаниях к пятому тому шеститомного собрания сочинений Хлебникова его составители Е.Р. Арензон и Р.В. Дуганов пишут:

«В черновых записях последних лет жизни Хлебникова сохранились разные планы большой монтажной композиции. Среди намечавшихся тем – «плоскостей» («Молнии», «Конский Спас», «Разин», «Бурлюк», «1905-1917») на первом месте неизменно присутствовала плоскость «Черемуховая», связанная с лирическими воспоминаниями о Красной Поляне... Не войдя в окончательный состав сверхповести, эта тема реализовалась большой поэмой «Синие оковы» (весна 1922), название которой – через паронимическую связь с фамилией Синяковы. <...> По дневниковой записи Хлебникова, «Зангези» собран – решен 16 января 1922». Изменения и дополнения вносились в уже скомпонованную рукопись даже на стадии типографской верстки (апрель 1922 г.)».^{*****}

И все же смущают не только стилевые отличия и отсутствие неологизмов, которыми избилует «Зангези». В середине 20-й плоскости в рукописи появляется вдруг фраза «крик интеллигента», а в начале 21-й – слово «ублюдок»; они у Хлебникова вообще не встречаются.

**** https://ka2.ru/nauka/dot_1.html

***** Там же.

***** <https://ruslit.traumlibrary.net/book/hlebnikov-ss06-05/hlebnikov-ss06-05.html>

Может быть, это литературная мистификация? Или кто-то пробовал писать «под Хлебникова»? Ведь популярен он был очень, особенно среди коллег по цеху. Сергей Бондарин рассказывал Евгению Михайловичу Голубовскому о том, что они осознали Хлебникова через Багрицкого, который читал на память множество его текстов. Сам Бондарин с подачи «птицелова» увлекся Хлебниковым и собрал с десятков его книг. Но настоящим «рыцарем» Хлебникова стал Юрий Олеша. Он вошел в созданную Алексеем Крученых «группу друзей Хлебникова», переписывавших его тексты на литографскую машину и издавших тридцать книг «Неизданного Хлебникова». Московский журналист Исаак Владимирович Глан, приятель Юрия Олеси, писал о том, что Олеша считал Хлебникова гением: «Конечно, гений. Он сказал об олене: испуг, цветущий широким камнем. Его поэмы не всегда понятны. Он складывал свои рукописи в мешок, а потом их не могли собрать».

Ну что же, это несложно проверить – к счастью, письма и рукописи Багрицкого, Олеси, Кирсанова, Бондарина есть в Одесском литературном музее.

Но ни один из почерков не похож на тот, которым написана рукопись.

Ни мелкий аккуратный почерк Бондарина, ни размашистый характерный почерк Багрицкого, ни почерк Олеси... Да и рисунки на рукописи, выполненные тонким пером, не похожи на рисунки Багрицкого. Хотя... В фондах Литературного музея хранится тетрадка со стихами и рисунками Семена Кирсанова, датированная как раз 1920-21 годами, и в ней есть что-то, что наводит на размышления. И рисунки, и стихи отдаленно напоминают те, что есть в рукописи, – в то время Кирсанов увлекался одновременно футуризмом и старославянским языком, мифологией. Вот, например, его стихотворение «Будетляне» – как раз 1922 года:

На север, на север, на север
Походкою древней идем.
Какие застынут посевы,
Какой замечается гром?

Гудят заливаются волны
Над ворсклыми пнями у ник,
А там от гугивой Волги
Горят завывают огни.

По осени воплой и волглой,
Над рваными веями твиг,
Долбят туговые оглобли
Седую порожнюю высь.

Которой задетой поляной
Сгибают колени холмы,
А я радогой бюджетлянин
Сбираю пропевческий мыт!

С клюкою, на север, на север мы
Бредем побираем поля,
По млечным дорогам нас семеро
Великих слепых бюджетлян.*

Кирсанов любил и ценил Хлебникова всю жизнь – он даже начитал для звукозаписи в 1963 году ряд его стихотворений. «Его запомнили франтом и гурманом, наследником Серебряного века, владельцем редкой мебели и библиотеки с полным изданием Хлебникова, хозяином квартиры, где висят картины Бурлюка», – пишет о Кирсанове Ирина Лукьянова.**

Может, он и разыграл своих друзей – Бондарина, Багрицкого, Олешу?

Но ведь Сергей Бондарин, в чьем архиве и хранилась рассматриваемая нами рукопись, прекрасно знал и много лет общался с Кирсановым – еще в самом начале 1920-х они входили в одесскую литературную группу «Коллектив поэтов», и Бондарин так вспоминал о появлении там четырнадцатилетнего Кирсанова: «...еще в коротких штанишках четырнадцатилетний футурист-бюджетлянин Сема Кирсанов, уже тогда поражавший нас зычным чтением своих стихов». Позже – участие обоих в Юголефе. В 1925-м Кирсанов пишет стихотворение «Набросок» и посвящает его Бондарину. Так что тот вряд ли мог спутать стихи Хлебникова со стихами Кирсанова. И вряд ли положил бы рукопись Кирсанова в книгу Хлебникова, бережно завернув в пергамент. А в ценности архива Бондарина

* Яворская Алена. Рисунки и стихи Семена Кирсанова. Семен Кирсанов. Из тетради 1922 года. – «Дерибасовская – Ришельевская», одесский альманах. – Одесса, 2017, № 68, стр. 298.

** <https://rusmir.media/2020/02/05/kirsanov>

сомневаться не приходится – именно из него в Одесский литературный музей попали рукописи и письма Ильфа, Багрицкого, Бабеля...

Легендарный одесский фотограф Сергей Калмыков, много лет друживший с Сергеем Александровичем и его женой Генриеттой Савельевой, вспоминал:

«Уход СА не оборвал мое общение с ним, просто оно стало иным, заочным, через рассказы ГС, через собранные им книги. Их обилие и разнообразие меня издавна буквально завораживали, и я мечтал в них погрузиться. В подборе книг отразилась необъятная широта интересов СА. Помимо неохватного количества поэзии и прозы, томиков ЖЗЛ, было много альбомов и монографий по изобразительному искусству, книг по истории музыки и о композиторах, по военной и общей истории, даже по истории библиофильства.

Обилие книг никак не позволяло даже бегло просматривать каждую. Приходилось знакомиться с ними выборочно, навскидку. Обнаружил и прочел много искренних и теплых авторских дарственных. <...> Еще я обнаружил, что СА было свойственно оставлять пометки в прочитанном тексте, а иногда и вкладывать в книги подходящие по теме вырезки».*

Так что же – Хлебников?

Очень хочется верить. Но точку в этом вопросе смогут поставить лишь глубокие знатоки его творчества. Их в мире – единицы.

Сам текст рукописи – ниже.

Евгений Деменок

Зангези ХХ плоскость

Не обходи высоких звениц
Гудящего веретена
Ступай тяжелее, поселенец
На северные пламена!

Отселе хлад. Пестуя тайну
Узнаешь что она легка

* Калмыков Сергей. Что наша милая Одесса? – «Дерибасовская – Ришельевская», одесский альманах. – Одесса, 2017, № 68, стр. 190-191.

Что гнутся райны**
Захлестывая облака
Их бег стремительный проворен
Заговоренный у меча
Но глянет исподлобья ворон
Из-за разбойного плеча
Ворожея! Не замоли
Ружья в прицел, у переносиц
Когда весны оруженосец
Сырой касается земли.
Оружие твое, ужель
Желез касается чудесных
И в лад седой ворожее
Выплясывает сон кудесник.

Пляши кудесник, пой посол
А на прицеле на примете
Сиял и пламенел орел
Как на серебряной монете.
Все туже вились пламена
Затягивались туже вожжи
И шли иные племена
По северному придорожью.
Там где железные снега
Легли! заплатата на заплате
Хрипит глухая бирюга***
Кору выдалбливает дятел.
Дупло зеленое, зане****
Синело возвышаясь древо.

** Райны – часть судового такелажа, поперечный брус на мачте, рея.
«Трещат райны, мачты гнутся, от натуги снасти рвутся» – Умберто Эко, «Остров накануне».

*** Бирюг – вестник, глашатай в допетровской Руси. «Потом он приказал стрелять из пушек, Звонить в колокола и бирюгам Столице возвестить, что возвратился Иван-царевич» (В.А. Жуковский).

**** Так как, потому что – устаревшее.

Зангези. XX Рилоси

Но: обрета востану зрешу
Тугручо верети
Ступай тунето, тосеши
На северне тосеши!

Отсеи деси. Месту туну
Унаши тосеши
Сед шуми раши
Зангези свеса
Их сеи сврати тосеши
Вангези свеси
Но тунето тосеши
И за тосеши тосеши.

Вангези! Но зангези
Руну в тунето, у тосеши
Кода тосеши тосеши
Свеси тосеши тосеши.

Оруши тосеши, тосеши
Тосеши тосеши тосеши
И в тосеши тосеши
Тосеши тосеши тосеши

Милуши тосеши, тосеши
А на тосеши на тосеши
Свеси и тосеши тосеши
Как на тосеши тосеши.

Крик интеллигента.

Но как в таком веретене
Найти блуждающее чрево
Но как глубинам потаенным
Ворожее не приберечь –
В горящее сознанием лоно
Вложенную рождением речь?
«Искони слово бы» и снова
Все тот же мир высокий и простой
А в чреве темном выросшее
слово
Покачивает цепью золотой...
Послы идут.
Кудесник, не пора ль?
Стопою стать на северные будни
Куда глядят умершие утра
И пляшущая ворожея на бубне.

1922.

Из Плоскость XXI

Теней покинутых ублюдок
Ты отойдешь по тениву (?)
Там ветер неведомых погудок
Вздымает павшую траву.

Там опасаясь шума утки
И вдруг снегами изумлев
Кидает ветер прибаутки
земле.
Плененный вдруг на <нрзб>
Не страшен брошенный беглец...
Звучат веселые <нрзб>
О вылетающий свинец.
Там водопад сана

из Меленского XXI

Меня поименно уведомил
что свиделю по мере
Маме весте и весте поудом
Вздвигаете навижу праву

Маме опасается иура умам
и вкупе естем иудиев
Кидает ветер иудартам
Земле

Меленский вкупе на пансион
не собирает промисла деню
Звучит весте поудом
Вместе поудом естем

Маме водонад сина
и прыжком каминь поудом
Туда дудом весте запад
и ковь поудом весте

~~И весте не мадам удам
не водонад в водонад
Земле весте весте~~

~~Маме весте весте
Маме весте весте
Маме весте весте
Маме весте весте~~

И брызжет каменный поток
Где дятлом обернулся запад
И коноплянкою восток.

Плоскость 22

Выходи Лель
На высокую
Походи Лель
По зеленой тропе

Нет и не ту сплел
Плеть не летит в дол
Лету <нрзб> сплел
Лель с гостем пропал.

Лег на тропу сплю
В <нрзб> – плен
Каждой стреле – клюв
В ране крутой тлен.

Знаешь кому слон
Верен весел (?) слон
«Следом беги!» «Слеп»
Спой и другой припев

Выходи Лель
На высокую ель
Походи Лель
По зеленой тропе

Все тучи белые белые
Затопи белые тучи белые
И все небо белое белое
Но северному предосторожно

Мам где неслучайно сирота
Ленин: замата на замате
Грустно муху в море
Кору выдвинула. гудит

Душно злится заце
Синело возмущается древо.

Крик матушки-матери.

Но как в таком времени
Кто там выходящее древо

Но как мушкетер полагал
Война не предвзят -
В поручее возмущен лодь
Возмущенно предвзят фел?

Искони слово в "и слова
" Все мои же мир, басолай и вопрос
А в руке темном купасе
Покорилась всевозможности...

Росли идут.
Кудесник, не паразит?
Отапою свань на северные горы
Куда идет чужеродная чужа
И мушкетеру в рожденье тучи белые.

1922.

